

КОРРЕСПОНДЕНТ: Поднимается занавес, открывая взорам зрителя сцену, на которой сейчас произойдет чудо, имеющее искусством театра... О чем вам думается в этот момент?

М. БАЙСЕРКЕНОВ: Пожалуй, трудно суммировать массу переживаний, охватывающих тебя. Здесь и волнение за то, как начнут и поведут спектакль актеры, хотя, казалось бы, на репетициях и

Настоящая работа для меня началась в Кызыл-Орде, в областном драмтеатре имени Н. Бекежанова. В течение пяти лет, отсчитывая с 65-го, я был там главным режиссером. Это были годы становления, творческих поисков, дерзаний. Проблема самостоятельности — нелегкое бремя. Однако театр в городе на берегу Сырдарьи помог мне обрести себя, на деле проверить свои замыслы, мечты. «Виновен» в этом прежде

мыми трудными для себя постановками — а в активе у меня сейчас 21 спектакль — я до сих пор считаю «Оптимистическую трагедию» и «Между липнями»...

КОРРЕСПОНДЕНТ: Обычно говорят об амплуа актеров. Видимо, оно имеется и у режиссеров?

М. БАЙСЕРКЕНОВ: Несомненно. Я, например, ощущаю большую тягу к трагедиям, к социальным и психологическим

разнообразные по направленности и по тематике постановки. Они — лучшее, что создал за последнее время коллектив театра-юбиляра.

Здесь, в Джамбуле, я снова ставил «Кобланды». Искал новое решение известной драмы, новую трактовку образов героев, темы народа, его борьбы за свою независимость. Впервые в Казахстане я работал над постановкой «Восхождения на Фудзияму», зрители увидели ее в декабре 1974 года.

Последний спектакль, над которым мы работаем с коллективом театра. — «Тихий Дон». Точнее, это два спектакля, так как постановка рассчитана на два вечера. Премьера первой части состоялась три месяца назад. Вторую часть мы вынесем на суд зрителей в конце апреля.

Мы не случайно обратились к этому произведению Шолохова. Через судьбу казачьей станицы, казачьей семьи мы видим судьбу народа. Видим огромный пласт жизни, жизни не однозначной, а емкой, насыщенной событиями, радостью и болью простых людей, их трагедию и возвышение. Близки и понятны нам герои Шолохова, их поступки и устремления. Для театра его роман несет большой драматургический пласт. Потому что он современен всегда...

КОРРЕСПОНДЕНТ: Что вы вкладываете в понятие: время и сцена?

М. БАЙСЕРКЕНОВ: Отвечу вопросом на вопрос. Почему не стареют образы, созданные классиками? Почему среди своих самых любимых литературных героев мы называем имена тех, кто жил в далекое время и эпоху, в другой атмосфере, в мире с другими нравами и обычаями? Да, наверно, потому, что настоящая литература, так же, как и искусство, дорога нам тем, что она содержит в себе неумирающие идеи гуманизма, любви к человеку, уважения к личности.

На сцене не просто оживают герои пьес, а живут, страдают, любят, мучаются сомнениями такие же, как и все мы, люди, только лишь очерченные некоторой границей условности, вызванной особенностями жанра искусства. Борьба человека за счастье, поиск истины — это не стареет никогда, это созвучно временам. А сцена своими силами и средствами открывает нам чувства и мысли, которые мы часто «примериваем» к своим...

Вел беседу
М. БАЙЖАНОВ,
соб. корр. «Ленинской
смены».

СОЗВУЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ

Джамбулскому областному казахскому драматическому театру имени Абая скоро исполняется 40 лет. Последние четыре года направления творческого поиска его коллектива связаны с именем главного режиссера театра — заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Мамана Байсеркенова. Наш корреспондент встретился с ним.

сдаче «прогнози» все до деталей, и беспокойство за зрителя — как он почувствует мысль, заложенную в спектакле...

Конечно, это самые радостные и самые тревожные мгновения в нашей работе, в нашей жизни. Мгновения, когда поднимается занавес.

Обычно говорят: найти контакт со зрителем. Мне кажется, это определение требует дополнения. Сама по себе реакция зала — большое подспорье в поведении актеров. Она подсказывает, найдены ли правильная тональность, ритм, решение мизансцен. Однако ведь бывает и так: зрители возбуждены, действие увлекает их, а после спектакля они ловят себя на мысли, что больше следили за развитием сюжета, а все остальное как-то их не коснулось. Эмоции — это хорошо, но для настоящего контакта нужно психологическое взаимодействие исполнителей и зрителей. Это гораздо сложнее. Особенно если учитывать, что сегодняшний зритель очень взыскательный, требовательный, тонко разбирается в искусстве, любит и понимает его...

КОРРЕСПОНДЕНТ: Так когда же вы впервые оказались не в «рада» зрителей, а по ту сторону занавеса?

М. БАЙСЕРКЕНОВ: Наверно, с того дня, когда я поступил в Институт искусств имени Курмангазы, режиссерский факультет которого окончил в 1964 году. Дипломный спектакль я защищал в Гурьеве, поставив там «Джамилу» Ч. Айтматова.

всего его коллектив, с которым я отлично сработался, нашел общий язык.

Первые постановки были «малобабитными»: небольшие сатирические комедии. Затем спектакли посложнее, поглубже. И, наконец, мы замахнулись на «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского. Работали увлеченно, преодолевая трудности, порой даже неверие в наши силы и возможности. Результат превзошел все ожидания — зритель не только тепло принял этот спектакль, но и оценил смелость творческого коллектива, его стремление проявить свой стиль, свой почерк. В 68-м году театр за эту постановку стал лауреатом премии Ленинского комсомола республики.

КОРРЕСПОНДЕНТ: В шестом томе «Истории советского драматического театра», вышедшем в Москве в 1971 году, отмечен и ваш труд: «Рост профессиональной культуры наблюдается и в областных казахских театрах... Стремление к своеобразному решению спектаклей наблюдается, например, в кзыл-ордынском театре. Его спектакль «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского в постановке молодого режиссера М. Байсеркенова стал событием культурной жизни республики, а постановка «Кобланды» М. Ауэзова еще раз подтвердила творческую самостоятельность этого коллектива. Высокая оценка...

М. БАЙСЕРКЕНОВ: Отношу ее прежде всего к коллективу театра. Отмечу лишь, что са-

драмам. Может быть, эта потребность особенно утвердилась во мне после двухгодичной стажировки, которую я прошел в Москве в знаменитом МХАТе под руководством крупного театрального мастера Олега Ефремова. Знакомая со МХАТом, видя работу О. Ефремова и целой плеяды выдающихся актеров, как бы заново открываешь для себя искусство театра, зримей осознаешь то, чего недостает тебе в собственной практике. Известно, что такое для театра система Станиславского, родившаяся и нашедшая постоянную прописку именно во МХАТе. Но там же я понял и то, что эту систему каждый должен расшифровать по-своему, должен развивать ее, обогащать, дополнять.

КОРРЕСПОНДЕНТ: После МХАТа, с 1972 года — вы главный режиссер Джамбулского областного театра. Чем отмечены для коллектива и для вас последние годы?

М. БАЙСЕРКЕНОВ: Забегу немного вперед. Юбилей своего театра мы будем отмечать и гастролями в Алма-Ате, которые состоятся в мае этого года. Мы повезем в столицу восемь спектаклей. Это две части «Тихого Дона» М. Шолохова, «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова, «Восхождение на Фудзияму» Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова, «Раненые цветы» С. Жунусова, «Лицом к лицу» Ч. Айтматова, комедия азербайджанского драматурга М. Шахмалова «Свекры», и «Загадочный нищий» чешского драматурга Яна Соловича —